(Поздравление Манна)

Уважаемые коллеги!

Сегодняшнее понимание или – шире – восприятие Гоголя характеризуется особенно острым ощущением его неисчерпаемости. Гоголя невозможно привести к определенному знаменателю или формуле. Это нереально даже по отношению к гоголевской публицистике или критике. Вспомним, что говорил писатель о злободневном тогда (да и сейчас) споре славянофилов и западников (кстати, Гоголь первым или одним из первых использовал термин западник). Западники не видят здания в целом, только части, детали. Но и противники их не на высоте. «Кичливости больше на стороне славянистов: они хвастуны; из них каждый воображает себе, что он открыл Америку, и найденное им зернушко раздувает в репу». - Это Гоголь-публицист, Гоголь прямых суждений и логических понятий. Что же говорить об его художественном мире, перед которым, по слову одного западного критика, стоишь, как перед бездной. Поэтому не удавалось (и вряд ли когда-нибудь удастся) подчинить Гоголя какой-нибудь идеологической доктрине, записать в какую-либо «партию».

Еще одна черта именно сегодняшнего понимания Гоголя – ощущение его всемирного значения. Было время, когда даже намек на такую мысль казался смешным и неуместным, причем людям разных ориентаций, фигурально говоря - тем же западникам и славянофилам. И Белинский, и Иван Киреевский (обоим им нельзя отказать в эстетическом вкусе) были убеждены, что значение Гоголя ограничивается пределами русского мира или же что он просто недоступен иноземному читателю. «Где, укажите нам, где веет в созданиях Гоголя этот всемирно-исторический дух, это равно общее для всех народов и веков содержание? Скажите нам, что бы сталось с любым созданием Гоголя, если б оно было переведено на французский, немецкий или английский язык?» (Белинский). Но вот Гоголя перевели и на упомянутые, и на многие другие языки, скажем, японский, и оказалось, что «этот всемирно-исторический дух» в его

произведениях не только веет, но достигает невиданной силы концентрации. Корректное определение этого духа - также, по-видимому, не столько партийно-идеологично, сколько экзистенциально. Это и обострившееся в наше время ощущение катастрофичности истории, поведенческого иррационализма как отдельных индивидуумов, так и в целом народов и государств; это и мучительная «тоска об идеале», если воспользоваться выражением Аполлона Григорьева. О силе гоголевского духа говорят десятки и, может быть, сотни современных деятелей мировой культуры, цитировать их можно было бы без конца, ограничусь только одним высказыванием, менее известным: Гоголь «достиг такой высоты наблюдения – своеобразная монт-вильсоновская обсерватория звезд в человеческой душе, – которую не достигал ни один гений со времен Шекспира и Сервантеса» (Сигизмунд фон Радецки). Неслучайно изучение Гоголя становится сегодня своего рода мировым процессом, о чем свидетельствуют и эта конференция, и - перед ней – конференция, посвященная 150-летию со дня смерти писателя, проведенная в ИМЛИ.

И, наконец, последнее. Сегодня особенно ощущаешь, что Гоголь требует всего человека. Отчасти, вероятно, я говорю pro domo sua, особенно в связи с работой по подготовке нового академического собрания сочинений Гоголя. Но мне кажется, что я мог бы это сказать и от имени других, к сожалению, малочисленных участников издания. И дело не только в необычайной сложности материи, с которой приходится иметь дело (гоголевские тексты), но и в том, что Гоголь действительно захватывает целиком, овладевая душевным миром своих исследователей и читателей.